

ЗАГАДОЧНАЯ КНИГА

Профессор Опеншоу всегда взрывался с громким хлопком, когда кто-нибудь называл его спиритом или утверждал, что он верит в спиритизм. Впрочем, это не истощало его порохового запаса, поскольку возмущение профессора было не меньшим, когда кто-либо утверждал, что он не верит в спиритизм. Профессор Опеншоу был чрезвычайно горд тем, что всю жизнь посвятил изучению психических феноменов; еще он гордился тем, что ни разу не позволил себе даже намеком дать понять, считал ли он их в самом деле психическими явлениями или же относил к категории простых феноменов. Ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем сидеть в окружении убежденных спиритов и смаковать подробности того, как он разоблачал одного медиума за другим, и сколько раз он раскрывал различные мошенничества. Дело в том, что он действительно был наделен большим дедуктивным талантом и нешуточной проницательностью, которые проявлялись, стоило ему пристальнее присмотреться к тому или иному объекту, и надо отметить, что к медиумам он всегда присматривался с особым вниманием, полагая их объектом чрезвычайно подозрительным. Не раз он рассказывал о том, как сумел вывести на чистую воду одного спирита-шарлатана в трех разных обликах: женщины, седебородого старца и шоколадно-коричневого брамина. Искренних сторонников этого учения подобные истории приводили в некоторое замешательство (что, собственно, и было их целью), никто, правда, не стал бы на это жаловаться, так как ни один спирит не отрицает существования мошенников в своей среде, вот только красноречие профессора как бы сводилось к тому, чтобы доказать, будто все медиумы — обманщики.

Но горе тому простодушному, невинному материалисту (а материалисты вообще народ простодушный и невинный), кто, послу-

шав его речи, посмеет заявить, что существование призраков противоречит законам природы, или что подобного рода явления — не более чем старые суеверия, проще говоря, вздор, ахинея. Случись такое, сам же профессор неожиданно разворачивал орудия и обрушивал на смельчака неисчислимое множество не подлежащих сомнению примеров необъяснимых феноменов, о которых несчастный рационалист никогда и не слышал; сыпал датами, описывал подробности, перечислял неудачные попытки объяснить все это с научной точки зрения, короче, говорил обо всем, кроме того, верил ли сам он, Джон Оливер Опеншоу, в существование духов. И ни один спирит, ни один материалист не мог похвастать тем, что сумел это понять.

Профессор Опеншоу, сухопарый мужчина с львиной гривой песочных волос и гипнотическими голубыми глазами, беседовал со своим другом отцом Брауном на лестнице гостиницы, в которой оба провели ночь и позавтракали этим утром. Вчера профессор довольно поздно вернулся с очередного великого эксперимента в сильном раздражении, и его все еще не покинул воинственный задор после того боя, который он, как всегда, вел как за, так и против обеих сторон.

— Ну вы-то ладно, — усмехнувшись, сказал он. — Вы все равно ничему не поверите, если бы даже это оказалось правдой. Но все эти люди постоянно спрашивают меня: что я пытаюсь доказать? Они как будто не понимают, что я — ученый. Ученый ничего не пытается доказывать. Он пытается найти то, что докажет само себя.

— Но пока еще это ему не удастся, — заметил отец Браун.

— У меня есть несколько собственных соображений, и они не настолько отрицательны, как большинству из них кажется, — ответил профессор, на какой-то миг сдвинув брови. — Как бы то ни было, я начинаю подозревать, если тут и есть, что искать, то ищут они это не там, где нужно. Все это слишком уж театрально, словно делается напоказ: все эти сверкающие эктоплазмы, потусторонние звуки, голоса, все остальное. Все как будто списано из старых мелодрам и давно заплесневевших романов про родовые замки с привидениями. Если бы они обратились не к ро-

манам, а к истории, там бы они, как мне кажется, смогли что-то для себя найти... Помимо привидений.

— В конце концов, — сказал отец Браун, — привидения — это всего лишь видимость, явление образа, не больше. Никто ведь не станет спорить, что фамильные призраки появляются.

Взгляд профессора, как правило, отстраненно-рассеянный, неожиданно обрел осмысленность и сфокусировался, так он обычно смотрел на не вызывающих доверия медиумов. Вид у него при этом сделался такой, будто он поднес к глазу мощное увеличительное стекло. Нет, священник не показался ему похожим на подозрительного медиума, просто профессора удивило, что его друг думал почти то же самое, что и он.

— Явление! — пробормотал он. — Надо же, странно, что вы об этом упомянули. Чем больше я узнаю, тем сильнее у меня складывается впечатление, что люди многое теряют, думая только о явлениях. Если бы кто-нибудь хоть немного подумал об исчезновениях...

— Да, — кивнул отец Браун. — Тем более что в настоящих легендах далеко не всегда говорится только лишь о появлении мифических существ, о призывах к Титании или явлениях Оберона при луне, к примеру. Существует бесконечное множество легенд об исчезновении людей, которых похищают духи природы, феи. Уж не о Килмени¹ или Томасе-Рифмаче² вы говорите?

— Я говорю об обычных современных нам людях, о которых в газетах пишут, — ответил Опеншоу. — Может быть, вас это и удивит, но сейчас именно они являются моей добычей, и я преследую ее уже достаточно давно. Если честно, я считаю, что многие из психических явлений можно объяснить. А вот исчезновения для меня — загадка, если только они не относятся к области психического. Все эти люди, которые бесследно пропадают среди бела дня и которых потом разыскивают через газеты. Если бы вам было известно то, что известно мне... Да вот только сегодня

¹ Килмени — героиня поэмы шотландского поэта Джеймса Хогга «Пробуждение королевы».

² Томас-Рифмач — шотландский бард XIII в. По преданию, его полюбила и увела за собой королева эльфов.

утром я получил подтверждение — необычное письмо от одного старого миссионера, вполне уважаемого старика. Он собирается сегодня в первой половине дня встретиться со мной у меня на работе. Хотите — давайте пообедаем вместе, я расскажу, чем закончится эта встреча... Только это строго между нами, договорились?

— Спасибо, я приду, — скромно отозвался отец Браун. — Если, конечно, до того времени меня не похитят духи.

На этом они расстались, и Опеншоу повернул за угол, направляясь к своему маленькому кабинету, который снимал недалеко от гостиницы. Там он в основном занимался тем, что готовил к публикации небольшую газету, где печатались посвященные психическим и психологическим вопросам статьи самого сухого, агностического характера. У него был только один служащий, секретарь, который, сидя за столом в приемной кабинета, подбирал факты и производил различные исчисления для будущих публикаций. Проходя к себе, профессор задержался, чтобы спросить у него, не приходил ли мистер Прингл. Секретарь, не отрываясь от работы, машинально ответил «нет» и продолжал строчить цифры, а профессор завернул во внутреннюю комнату, которая и была его кабинетом.

— Да, кстати, Бэрридж, — бросил он на ходу, — если мистер Прингл придет, пусть проходит прямо ко мне. От работы не отвлекайтесь — я бы хотел, чтобы вы закончили сегодня, если это возможно. Можете оставить результаты у меня на столе, если завтра я опоздаю.

И он вошел в кабинет, обдумывая тот вопрос, который подняло или даже разрешило письмо Прингла. Даже самый закоренелый агностик до определенной степени продолжает оставаться обычным человеком, и, возможно, профессору показалось, что письмо миссионера могло стать своего рода подтверждением его еще не сформировавшейся окончательно теории. Он сел в большое удобное кресло напротив гравюры Монтеня и еще раз перечитал короткое послание от преподобного Люка Прингла, в котором тот просил разрешения заехать к нему этим утром. Никто лучше профессора Опеншоу не знал отличительных черт письма человека эксцентричного или неуравновешенного: перенасыщенность деталями, ломаный почерк, излишняя затянутость, ненуж-

ные повторы. Ничего подобного в этом письме. Это была короткая, отпечатанная на машинке записка, где автор в сухой, деловой манере сообщал, что столкнулся с несколькими необычными случаями исчезновения, которые могут вызвать интерес у профессора как у исследователя психических явлений. Профессору было приятно это узнать, и никаких отрицательных чувств у него не возникло, кроме неожиданного удивления, когда он, подняв голову, увидел, что преподобный Люк Прингл уже в его комнате.

— Ваш секретарь сказал, что я могу заходить, — произнес мистер Прингл извиняющимся тоном, но с широкой приятной улыбкой, которую частично скрыли косматая рыжеватая борода и пышные бакенбарды. Эта борода, густая и всклокоченная, напоминала джунгли (такие бороды иногда отращивают белые люди, подолгу живущие в тропических лесах), но в глазах над вздернутым носом не было ничего дикого или чужеземного. Опеншоу мгновенно устремил на них испытующий взгляд — сконцентрированный луч, зажигательное стекло скептического недоверия, столько раз помогавшее ему понять, кто перед ним: шарлатан, маньяк или человек, которому можно верить. На этот раз у него возникло непривычное положительное чувство. Такая клочковатая борода могла принадлежать и сумасшедшему, но глаза мистера Прингла совершенно не соответствовали бороде: таких откровенных, веселых глаз не бывает ни у настоящих мошенников, ни у настоящих помешанных. Человек с такими глазами должен быть обычным обывателем, скептиком-жизнелюбом, который хоть и на свой примитивный лад, но совершенно искренне будет спорить со всяким, кто попытается доказать существование духов и привидений. В любом случае ни один профессиональный обманщик не смог бы изобразить подобную несерьезность. Мужчина был в застегнутом под самое горло стареньком плаще, и лишь широкополая чуть сдвинутая набок шляпа указывала на то, что это священник. Впрочем, миссионеры из мест отдаленных и диких не всегда одеваются так, как положено духовным лицам.

— Вы, профессор, наверное, думаете, что все это очередной розыгрыш, — сказал мистер Прингл, и в голосе его послышалось непонятное веселье. — Надеюсь, вы не будете сердиться

из-за того, что ваше вполне естественное недоверие вызывает у меня улыбку. Но все равно мне нужно поделиться фактами с кем-то, кто разбирается в подобных вопросах, поскольку то, что я хочу вам рассказать, не выдумки. Если говорить серьезно, эта история не только правдива, но и трагична. Короче говоря, я служил миссионером в Нья-Нья, это станция в Западной Африке прямо посреди густых джунглей. Единственным во всей округе белым человеком там был командующий этим районом, капитан Уэйлз. Там и он, и я, как бы это сказать... Немного одичали, что ли. Он вообще недолюбливал миссию. Уэйлз был, если так можно выразиться, диковатым во многих отношениях, из тех туповатых вояк с квадратными плечами, для которых важнее действовать, чем думать, и уж тем более, во что-то верить. От этого, к слову, вся эта история кажется еще более странной. Однажды после короткого отпуска он вернулся в свою палатку в джунглях и рассказал, что с ним произошел удивительный случай, и теперь он совершенно не понимает, что делать дальше. У него с собой была старинная книга в кожаной обложке, и он положил ее на стол рядом с револьвером и арабским кинжалом, который хранил как сувенир. Он сказал, что книга эта принадлежала человеку, на чьей лодке он только что приплыл, и человек тот утверждал, что эту книгу никому не то что читать, даже открывать нельзя, потому что того, кто это сделает, заберет дьявол или он исчезнет. В общем, что-то в этом духе. Уэйлз, конечно же, тут же стал убеждать его, что все это ерунда, да так, что они в конце концов поссорились. Закончилось это, похоже, тем, что этот лодочник, которого капитан обвинил в трусости и суеверии, все-таки заглянул в книгу. И, как только он это сделал, книга выпала из его рук, он попятился к борту лодки...

— Минуточку, — прервал его профессор, который, слушая, делал какие-то заметки в записной книжке. — Прежде чем вы продолжите рассказ, ответьте мне на один вопрос: тот человек рассказал Уэйлзу, откуда у него эта книга или кому она принадлежала до него?

— Да, — ответил Прингл, который уже не выглядел таким веселым. — Если мне не изменяет память, он сказал, что везет ее вернуть прежнему владельцу, доктору Хэнки, путешествен-

нику и исследователю Востока, который и предупредил его о странных особенностях книги. Хэнки — человек умный, настоящий ученый и большой скептик. То-то и странно. Впрочем, в рассказе Уэйлза все было просто. Лодочник, заглянув в книгу, выбросился за борт, и с тех пор его никто не видел.

— А сами вы в это верите? — помолчав, спросил Опеншоу.

— Верю, — ответил Прингл. — И верю по двум причинам. Во-первых, Уэйлз напрочь лишен воображения, а он в своем рассказе упомянул такое, что придумать мог только человек с богатой фантазией. Он сказал, что, хоть день был тихий и безветренный, лодочник, перешагнув через борт, исчез бесшумно, не издав всплеска.

Несколько секунд профессор молча смотрел на свои записи.

— А вторая причина? — наконец спросил он.

— А вторая причина — это то, что я увидел своими собственными глазами, — тихо произнес преподобный Люк Прингл.

Снова наступила тишина, которую на этот раз все тем же невыразительным, деловитым тоном нарушил Прингл. В нем совершенно не чувствовалось волнения, свойственного любому безумцу или даже простому человеку, искренне верящему в то, что говорит сам, и старающемуся убедить в этом кого-то еще.

— Как я уже говорил, Уэйлз положил книгу на стол рядом с кинжалом. В палатке был только один вход, и я как раз стоял рядом с ним, спиной к Уэйлзу, и смотрел в лес. Он же стоял у стола и что-то бормотал раздраженным голосом. Говорил, до чего это глупо в двадцатом веке бояться заглянуть в книгу, и, мол, ничто ему не может помешать самому ее открыть. Но тут во мне, очевидно, проснулся какой-то инстинкт, и я посоветовал ему не делать этого, сказав, что лучше вернуть ее доктору Хэнки. «Да что она мне сделает, книга эта?» — воскликнул он. «Что сделает? — ответил я. — А что она сделала с тем вашим другом на лодке? Что с ним случилось?» Он не ответил. Да я и не представлял, что тут можно было ответить, и все же продолжал его убеждать, призвав в помощь логику. «Хорошо, предположим, эта книга совершенно безопасна. Как, в таком случае, вы объясните

то, что произошло на лодке?» Он и на этот раз ничего не ответил. Тогда я обернулся и увидел, что он исчез.

Палатка была пуста. Книга лежала на столе, открытая, однако обложкой вверх, как будто это он раскрыл и перевернул ее. Но на земле рядом со столом валялся его кинжал, а в натянутом брезенте зиял большой разрез, словно кто-то этим кинжалом вспорол ткань, чтобы выйти. Мне был прекрасно виден сам разрез, но за ним не было ничего, только мерцали темные джунгли. Я подошел к дыре и выглянул наружу. И вот что я заметил: растения, переплетающиеся здесь ветками, не сломаны, а трава даже не примята. По крайней мере, на расстоянии нескольких футов от палатки. С того дня я ни разу не видел капитана Уэйлза и не знаю, что с ним случилось.

Я завернул книгу в плотную упаковочную бумагу, стараясь даже не смотреть на нее, и привез в Англию. Сначала я собирался отдать ее доктору Хэнки. Но потом мне на глаза попала статья в вашей газете, в которой вы как раз говорите о таких вещах, вот я и решил по дороге заехать и рассказать вам эту историю, поскольку знаю, что вы человек взвешенных суждений и не боитесь иметь дело с необычным.

Профессор Опеншоу положил ручку и впился взглядом в человека, сидящего на другом конце стола. В этом взгляде он попытался сконцентрировать весь свой богатый опыт общения со всевозможного рода мошенниками и даже с некоторыми видами честных, но эксцентричных людей и оригиналов. В другой ситуации он бы начал с вполне здравого предположения, что вся эта история — не более чем нагромождение выдумок и лжи. По большому счету, он и был склонен думать, что все это сплошное вранье, да вот только человек, которого он видел перед собой, никак не вписывался в эту теорию. Даже если предположить, что он лжет, Опеншоу не мог поверить, что *такой* лжец мог *так* лгать. Прингл не старался произвести впечатление откровенного человека, как поступает большинство шарлатанов и жуликов. Скорее даже наоборот, казалось, что он говорит правду, хотя прямо на поверхности плавало нечто неуловимое, навещающее на мысль о противоположном. «Может быть, этот действи-

тельно искренний человек, просто что-то не так понял и оттого впал в заблуждение?» — предположил профессор. Так ведь нет, опять же, не те симптомы: в нем чувствовалось какое-то холодное безразличие, как будто ему не было дела до своего заблуждения, если, конечно же, это всего лишь заблуждение.

— Мистер Прингл, — резко и неожиданно произнес он, как адвокат, от чьего возгласа свидетель вздрагивает, — где сейчас находится ваша книга?

Улыбка снова появилась на бородатом лице, которое за время рассказа сделалось серьезным.

— Я оставил ее снаружи, — сказал мистер Прингл. — В вашей приемной. Может, это и рискованно, но это меньший из двух рисков.

— Что вы имеете в виду? — не понял профессор. — Почему вы не принесли ее сюда?

— Потому что, — ответил миссионер, — я знал, что вы откроете ее, как только увидите... не дослушав моего рассказа. Поэтому и решил, что, возможно, выслушав меня, вы все же подумаете, прежде чем это сделать. — Немного помолчав, он добавил: — Там все равно никого не было, кроме вашего секретаря, а он показался мне спокойным, невозмутимым джентльменом, к тому же он был очень занят какими-то расчетами.

Опеншо от души рассмеялся.

— А, Беббидж!¹ — воскликнул он. — Ваши магические книги с ним в полной безопасности, могу вас заверить. Вообще-то его зовут Бэрридж, но я частенько называю его Беббиджем, потому что он ужасно похож на счетную машину. Уж кто-кто, а этот человек — если его вообще можно так назвать — меньше всего склонен открывать чужие пакеты, завернутые в упаковочную бумагу. Думаю, теперь можно принести ее сюда, и, поверьте, я весьма ответственно отношусь к вашему рассказу. Скажу вам откровенно, — лицо его снова сделалось серьезным, он внимательно посмотрел на гостя, — я не уверен, стоит ли открывать

¹ Беббидж, Чарлз (1791—1871) — английский математик, изобретатель аналитической счетной машины.

эту книгу здесь и сейчас, или же лучше просто отправить ее этому доктору Хэнки.

Они вместе вышли из кабинета в приемную, но, как только они это сделали, мистер Прингл вскрикнул и бросился к столу секретаря. Стол остался на месте, но секретарь исчез. На столе рядом с разорванной упаковочной бумагой лежала старинная книга в кожаной обложке с пожелтевшими страницами. Книга была закрыта, но создавалось впечатление, словно она захлопнулась только что. Стол секретаря стоял рядом с окном, выходящим на улицу, и в оконном стекле зияла большая дыра, как будто через нее вышвырнули человеческое тело. Никаких других следов мистера Бэрриджа не было.

Оба мужчины остолбенели. Первым начал постепенно приходить в себя профессор. Никогда еще взгляд его не был столь трезвым и рассудительным, как в ту минуту, когда он медленно повернулся и протянул руку миссионеру.

— Мистер Прингл, — ошеломленно произнес он, — прошу вас меня извинить. Я прошу прощения за те подозрения и за те мысли, которые у меня были на ваш счет. Любой человек, считающий себя ученым, не имеет права отрицать очевидных фактов.

— Я думаю, — не без сомнения в голосе произнес Прингл, — нужно попытаться что-нибудь выяснить. Вы можете позвонить ему домой, узнать, не возвращался ли он?

— По-моему, у него нет телефона, — неуверенно ответил Опеншоу. — Он живет, кажется, где-то в районе Хэмпстеда, но, наверняка ведь, если его хватятся, кто-нибудь обратится сюда, друзья или родственники.

— Может, стоит составить его описание? Вдруг полиция его потребует, — предложил миссионер.

— Полиция! — воскликнул профессор, стряхивая с себя задумчивость. — Описание... Боюсь, что выглядел он совершенно непримечательно... Ну разве что глаза немного навывкате... Обычный аккуратный мужчина, без усов, без бороды, таких тысячи. Но полиция... Послушайте, что же нам делать со всем этим безумием?

— Я знаю, что мне делать, — твердо сказал преподобный мистер Прингл. — Я сейчас же отвезу эту книгу прямиком доктору

Хэнки и спрошу его, что, черт возьми, все это означает. Он живет тут неподалеку. Съезжу и сразу обратно, передам, что он скажет.

— Хорошо, — помолчав, согласился профессор и тяжело опустился на кресло. Очевидно, он обрадовался возможности отделаться от ответственности. Но еще долго после того, как торопливые звонкие шаги маленького миссионера стихли на улице, профессор сидел в той же позе, отрешенно глядя в одну точку, как человек, впавший в транс.

Он сидел на том же месте и почти в том же расположении духа, когда с улицы опять донеслись шаги, и в комнату вошел миссионер, но уже с пустыми руками.

— Доктор Хэнки попросил оставить его с книгой на час, ему нужно подумать, — с серьезным видом произнес Прингл. — А потом он ждет нас у себя. Сказал, что объявит свое решение. Он просил передать вам, профессор, что очень хочет, чтобы вы непременно пришли со мной.

Опеншоу продолжал молча смотреть перед собой, потом неожиданно воскликнул:

— Дьявол! Этот доктор Хэнки, кто он такой?

— Вы это сказали так, будто подразумеваете, что он и есть дьявол, — с улыбкой заметил Прингл. — И, я думаю, вы не первый, кто так говорит. Он довольно известный человек примерно в той же области, что и вы, но славу свою приобрел большей частью в Индии, изучая местную магию и так далее, поэтому здесь он, может быть, и меньше известен. Это желтый тощий дьявол, невысокий, хромоногий и с жутким характером. Но у него вполне приличная практика в наших краях и ничего особенно плохого я о нем сказать не могу... Если не считать, что он — единственный, кто предположительно хоть что-то знает обо всей этой чертовщине.

Профессор Опеншоу тяжело поднялся и подошел к телефону. Он позвонил отцу Брауну, перенес встречу на вечер, освобождая себе время для экспедиции в дом англо-индийского врача, после чего снова сел, закурил сигару и глубоко задумался.

Отец Браун вошел в ресторан, где должна была состояться встреча, и какое-то время походил по вестибюлю, полному зеркал и пальм в горшках. Ему было известно, с кем Опеншоу

собирался встречаться днем, и теперь, когда за окнами уже стемнело и предвещавший ночную бурю ветер раскачивал ветви деревьев, понял, что свидание это затянулось и обернулось чем-то неожиданным. У него даже возникла мысль, что профессор вообще не придет, но, когда тот все-таки явился, стало ясно, что догадки его были недалеко от истины. Глаза профессора бешено вращались, а волосы его были всклокочены, когда он вместе с мистером Принглом вернулся из путешествия на север Лондона, из края обширных поросших вереском пустошей и пустырей, которые кажутся хмурыми и неприветливыми в лучах грозного заката. Как бы то ни было, они нашли нужный дом, стоящий чуть в стороне от остальных зданий, увидели медную табличку с выгравированной надписью: «Дж. И. Хэнки, доктор медицины, член Королевского хирургического общества», да вот только самого Дж. И. Хэнки, доктора медицины, члена Королевского хирургического общества, они не обнаружили. Увидели только то, что им нашептывало страшное предчувствие: пустую гостиную, в которой на столе лежала проклятая книга, как будто ее только что читали, и открытую настежь дверь во двор, за которой, присмотревшись, можно было различить вереницу следов на садовой дорожке, уходившую вверх так круто, что ни один хромо́й по ней взбежать не смог бы. И все же следы эти, несомненно, принадлежали хромо́му человеку, поскольку среди них виднелись бесформенные, неровные отпечатки чего-то наподобие ортопедического ботинка. Потом шло два отпечатка одного этого ботинка (словно человек прыгал на одной ноге) и дальше — ничего. О судьбе доктора Дж. И. Хэнки ничего не было известно, похоже, он принял решение, заглянул в книгу, после чего его настиг рок.

Когда двое прошли под пальмами через вестибюль, Прингл бросил книгу на маленький столик так, словно она жгла ему пальцы. Священник с любопытством посмотрел на нее. На обложке книги неровными грубоватыми буквами было написано:

Того, кто книгу эту открывал,
Крылатый ужас забирал.